

Староладожский историко-архитектурный
и археологический музей-заповедник

**Миграции и оседлость
от Дуная до Ладоги
в первом тысячелетии
христианской эры**

Пятые чтения памяти
АННЫ МАЧИНСКОЙ
Старая Ладога, 21-22 декабря 2000 г.
Материалы к чтениям

Санкт-Петербург 2001

Староладожский историко-архитектурный и
археологический музей-заповедник

**Миграции и оседлость
от Дуная до Ладоги
в I тысячелетии
христианской эры**

Пятое чтение памяти
АННЫ МАЧИНСКОЙ

Старая Ладога, 21-22 декабря 2000 г.

Материалы к чтениям

Санкт-Петербург, 2001

поясах могли ассоциироваться только с воительницами, чему способствовала и такая черта женского костюма Предуралья, как ношение у пояса ножа в богато украшенных накладками ножнах или имитационных ножен.

Распространение угорских неволинских поясов посредниками финнами «репти» указывает не только на заметное место Предуралья в системе европейской торговли, но на роль Предуралья, как поставщика особого рода «эксклюзивных» товаров, игравших важную роль в жизни североевропейских воинов и знати. Поэтому будет не удивительно если в каком-нибудь из североевропейских могильников будет обнаружено мужское захоронение например с шумящей биконьковой или арочной подвеской.

Агеева 1990 – Агеева Р.А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.

Барынина 2000 – Барынина Т.В. Истоки декора костюма Приуральских угров конца VI–IX вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.

Голдина 1999 – Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999.

Голдина и Водолаго 1990 – Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Голдина и Голдина 1997 – Голдина Р.Д., Голдина Е.В. Скандинавия и Верхнее Прикамье: контакты во второй половине I тыс. н.э. // Шведы и русский Север: историко-культурные связи. Киров, 1997.

Казаков 2000 – Казаков Е.П. Об этнокультурной специфике костюма народов Урало-Поволжья в VI–X вв. // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Самара, 2000.

Крыласова 2000 – Крыласова Н.Б. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья (VII–XI вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степ. канд. ист. наук. Пермь, 2000.

Мачинский 1997 – Мачинский Д.А. Ладога/Aldeigia: религиозно-мифологическое сознание и историко-археологическая реальность (VIII–XII вв.) // Ладога и религиозное сознание. СПб., 1997.

В.Н.Седых, ВВ.Макарова

Этнокультурные импульсы в Ярославское Поволжье в конце I тыс. н.э. по материалам изделий из кости (предварительное сообщение)

Вслед за эпохой Великого переселения народов, значительно перекроившей этническую карту Восточной Европы, начинается расселение славян на обширных пространствах лесной зоны. Одновременно с этим процессом с противоположной оконечности континента в его глубины начинается движение норманнов – людей северя. Общность интересов и целей славян и скандинавов, помноженная на опыт и предприимчивость, способствовали быстрому становлению международных речных торговых путей внутри континента и системы связанных с ними центров. Конечным же результатом всех обозначенных выше процессов было становление в конце IX в. Древнерусского государства.

Многочисленные племена, втянутые в процесс формирования древнерусской народности и культуры на территории Северо-Восточной Руси, несли с собой различные традиции в области культуры.

Гибридный характер материальной культуры торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси IX – начала XI вв. – проявление особенностей культуры эпохи становления государства и первых веков его существования. Причем композиция культур, культурно-исторический контекст севера Восточной Европы конца I тыс. н.э. позволяют определить исходные пункты некоторых инноваций, имевших место в культуре Северо-Восточной Руси этого периода.

Материалы достаточно хорошо исследованного Тимерева археологического комплекса (ТАК) активно используются в науке, однако специальному исследованию подверглась лишь керамика [Седых 1988; 1998]. Среди разнообразных изделий из кости в материалах ТАК самыми многочисленными и одновременно самыми яркими категориями находок являются гребни и копоушки.

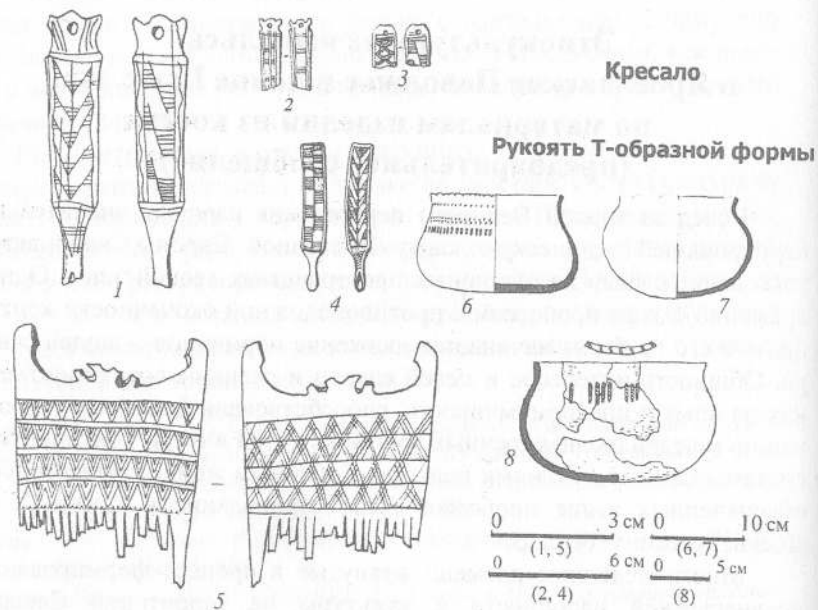

Рис. 1. Прикамские вещи в составе находок ТАК: 1, 5–7 – поселение; 2–4, 8 – могильник

Обе категории изделий встречены в значительном числе, как в курганах некрополя, так и в материалах раскопок поселения.

Гребни. Эти изделия составляли необходимую индивидуальную принадлежность людей эпохи средневековья, были показателями уровня состоятельности и, одновременно, уровня развития косторезного ремесла. В настоящее время наша выборка насчитывает 112 экз. гребней: 87 гребней обнаружено в погребениях, а 25 – на поселении. Опираясь на существующую в науке систематизацию древнерусских гребней, можно говорить, что среди гребней ТАК есть не только общеевропейские образцы (привозные или подражающие им), но и, несомненно, изготовленные на Руси, в том числе, возможно, и на Тимереvском поселении, где обнаружены заготовки и отходы косторезного производства. Подавляющее число гребней из раскопок ТАК относится к типу односторонних орнаментированных наборных расчесок небольшого размера. В данном случае нас

интересует единственный в материалах ТАК односторонний фигурный гребень, происходящий из комплекса ямы № 6а (раскопки 1975 г.), который, кроме гребня, содержал оселок и фрагмент железного ножа. Гребень имеет высокую спинку, на которую нанесен прочерченный геометрический орнамент; завершается спинка зооморфными украшениями в виде стилизованных звериных головок, обращенных друг к другу. Такие гребни, по мнению А.Г.Иванова, характерны для финно-угорских древностей и имеют аналогии в районах Прикамья, в частности, в Чепецком крае [Иванов 1997]. Немногочисленные аналогии на территории Древней Руси датируются концом IX – I-й пол. X в. [Рыбина и Розенфельдт 1997].

Копоушки. Копоушки (уховертки) применялись не только для гигиенических целей, их использовали в качестве подвесок и носили в составе ожерелий. Они представляют собой узкие тонкие пластинки прямоугольного (реже треугольного или круглого) сечения с ложечкой на одном конце и небольшим круглым отверстием на другом. Все копоушки орнаментированы с двух или с одной стороны, причем, как правило, лицевая и оборотная стороны имеют различные рисунки, выполненные неглубокими нарезками – в технике, которую называют прочерченным орнаментом (Арматынская 1995). Учтено 39 находок данной категории изделий – 38 костяных и одна бронзовая. Из этого числа 30 экз. обнаружено среди инвентаря погребений и 9 найдены на поселении, что позволяет предположить, что копоушка являлась важным атрибутом погребального инвентаря. Большинство исследователей относят копоушки к древностям финно-угров, а их наличие среди инвентаря захоронений рассматривается как основа для отнесения последних к финно-угорским погребениям [Фехнер и Недошивина 1987:86]. В нашей выборке представлено 23 экз. костяных копоушек (из них 5 абсолютно целых) – 15 копоушек происходят из курганов и 8 экз. из раскопок поселения. В настоящее время в литературе нет принятой классификации или типологии копоушек. Для сравнительного анализа тимереvских находок применена классификация орнамента копоушек, предложенная О.В.Арматынской для материалов бассейна р. Чепцы [1995]. В разнообразии прочерченных узоров выделяются базовые фигуры или простейшие элементы (например, точка, чешуйка, флажок, заштрихованные геометрические фигуры и др.), повторение которых в оп-

ределенном порядке и создает орнамент. Как правило, лицевая сторона изделий украшена богаче.

Родиной плоских копоушек является бассейн Верхней Камы – территория полемско-чепецкой, ломоватовской и родановской культур. В этом регионе копоушки отличаются большим разнообразием форм и орнаментов, только здесь они датируются временем позднее X–XI вв. На территории Северо-Восточной Руси копоушки появляются как полностью сформировавшийся тип изделий, их нет в культуре финского населения Волго-Окского междуречья более раннего времени [Леонтьев 1996]. Наиболее близкие аналогии копоушкам ТАК по форме и орнаменту мы находим среди древностей Чепецкого края: это и часто стилизованные зооморфные навершия в виде парных конских голов, и распространенный т.н. «флажковый» мотив орнамента (ср.: [Иванов 1997]).

Копоушки выходят из обихода так же внезапно, как и появляются. Однако эта инновация, так и не превратившаяся в традиционный компонент культуры Руси, не была единственной, пришедшей из Прикамья.

Концом IX – началом XI в. датируются на Руси прикамские кресала с бронзовыми ажурными рукоятями. Одно такое кресало с бронзовой ручкой в виде голов зверей, повернутых друг к другу, происходит из погребения мужчины и ребенка, произведенного по обряду трупосожжения из кургана № 268 Тимеревского могильника, которое по инвентарю (кресало, футляр для фитиля, наконечник стрелы, 4 весовые гирьки сферической и четырнадцатигранной форм, деталь поясной гарнитуры, костяная пуговица и 2 лепных горшка) может быть отнесено к погребению торговца («пермского») и датировано X в.

С территорией Прикамья связываются и роговые рукояти Т-образной формы со сквозными отверстиями для шильев, которые могли быть использованы в условиях охоты или военного похода. Обломок такой рукояти обнаружен в погребении мужчины, произведенном по обряду трупосожжения на стороне в кургане № 182 некрополя, которое исследователи датируют X в. В инвентаре (кроме рукояти) – бронзовая бляшка, фрагмент костяного гребня, обломки лепного сосуда и нежженные кости бобра.

Кроме того, в материалах ТАК представлена своеобразная по форме и технологии изготовления прикамская керамика – с круглым

или округло-уплощенным дном, богато орнаментированная, изготовленная из глины с примесью толченой раковины [Седых 1988].

Таким образом, рассмотренные материалы с очевидностью свидетельствуют о миграции групп пермского населения Прикамья на территорию Ярославского Поволжья в эпоху раннего средневековья. Появление прикамского населения в родственной финской среде фиксируется и для других регионов Северной Руси [Макаров 1982; Леонтьев 1989; Рябинин 1989]. На активные связи Северной Руси с Прикамьем в раннее средневековье указывает, очевидно, и большой процент сасанидского серебра в монетных кладах 1-й трети IX в. [Мачинский и Мачинская 1988]. Принесенные извне изделия, способы их изготовления и орнаментации просуществовали в рамках этнокультурной традиции до момента складывания общего пласта древнерусской культуры на территории Северо-Восточной Руси.

С.В.Белецкий

Династическая война на Руси в 1-й четв. XI в. в свете данных древнейшей русской геральдики¹

Фонд источников по истории древнейшей русской геральдики в настоящее время включает около 400 предметов X–XI вв. с изображениями т. н. “знаков Рюриковичей”. Это – знаки на монетах и печатях, граффити на монетах, граффити и изображения на различных предметах и на стенах храмов, знаки на подвесках и в клеймах на бытовой и строительной керамике, знаки на боевых кистенях. На ряде предметов (подвески, кистени) имеется более одного знака. Персонализации лично-родовых знаков русских князей X–XI вв. было посвящено специальное исследование [Белецкий 2000], результаты которого позволили, в конечном счете, реконструировать правила наследования знаков при переходе от отца к сыну, а также дали возможность восстановить генеалогию знаков (рис. 1).

Комментируя ряд предметов, несущих изображения княжеских знаков, я был вынужден неоднократно обращаться к сведениям письменных источников о междукняжеских отношениях. Ряд на-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта “Начало русской геральдики”, поддержанного РФФИ (проект № 00-06-80318а).